

Искусством дружеским спасень.
 Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
 Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
 Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
 Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
 Томимъ неясною тоской
 По сторонѣ своей родней.
 Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
 Сталъ понимать чужой языкъ,
 Былъ окрещенъ святымъ отномъ
 И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
 Уже хотѣлъ во цвѣтъ лѣтъ
 Изречь монашескій обѣтъ,
 Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
 Осенней ночью. Темный лѣсъ
 Тянулся по горамъ кругомъ.
 Три дня всѣ поиски по немъ
 Напрасны были; но потомъ
 Его въ степи безъ чувствъ нашли
 И вновь въ обитель принесли.
 Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
 И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
 Болѣзнь или голодъ испыталъ.
 Онъ на вопросъ не отвѣчалъ
 И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ,
 И близокъ сталъ его конецъ.
 Тогда пришелъ къ нему чернецъ
 Съ увѣщаньемъ и мольбой;
 И, гордо выслушавъ, больной
 Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
 И долго такъ онъ говорилъ:

III

«Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ,—благодарю.
 Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
 Словами облегчать мнѣ грудь;
 Но людямъ я не дѣлалъ зла,
 И потому мои дѣла
 Не много пользы вамъ узнать—
 А душу можно ль рассказать?
 Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
 Такихъ двѣ жизни за одну,
 Но только полную тревогъ,
 Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
 Я зналъ одной лишь думы власть,
 Одну—но пламенную страсть:
 Она, какъ червь, во мнѣ жила,
 Изгрызла душу и сожгла.
 Она мечты мои звала
 Отъ желій душевныхъ и молитвъ
 Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
 Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
 Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
 Я эту страсть во тьмѣ ночной
 Вскормилъ слезами и тоской;
 Ее предъ небомъ и землей
 Я нынѣ громко признаю,
 И о прощеньи не молю».

IV.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,

Что ты меня отъ смерти спасъ.—
 Зачѣмъ?.. Угрюмъ и одинокъ,
 Грозой оторванный листокъ,
 Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
 Душой дитя, судьбой монахъ.
 Я никому не могъ сказать
 Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобы я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ именъ—
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ—могилъ!
 Тогда пустыхъ не тратя слезъ,
 Въ душѣ я клятву произнесъ:
 Хотя на мигъ когда-нибудь
 Мою пылающую грудь
 Прижать съ тоской къ груди другой,
 Хотя незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья тѣ
 Погибли въ полной красотѣ,
 И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
 Умру рабомъ и сиротой.»

V.

„Меня могила не страшить:
 Тамъ, говорить, страданье спитъ
 Въ холодной вѣчной тишинѣ.
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
 Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубъ молодой
 Сидитъ, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ посылтъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ.
 Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
 Тебѣ есть въ мірѣ чтó забыть,
 Ты жилъ—я также могъ бы жить!»

VI.

«Ты хочешь знать, чтó видѣлъ я
 На волѣ?—Пышные поля,
 Холмы, покрытые вѣнцомъ
 Деревъ, разросшихся кругомъ,
 Шумящихъ свѣжею толпой,
 Какъ братья въ пляскѣ круговой.
 Я видѣлъ груди темныхъ скалъ,
 Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
 И думы ихъ я угадалъ:
 Мнѣ было свыше то дано!
 Простерты въ воздухъ давно